

Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ

Четыре всадника

(Петербургские силуэты)

...На топком берегу Финского залива хлопотливо стучали топоры, и визжали пилы, и шла кипучая работа, созидалось великое и новое дело, а люди с испуганными глазами, с упрямым и жестким выражением лица твердили, словно каркали: «Быть Петербургу пусту!» И вот, как будто исполняется их пророчество. Замолкает два столетия не прерывавшийся шум станков, и пустеет великий город. И уже, словно огромные гробницы, смотрят мертвыми окнами на Неву царские дворцы и фабричные корпуса. Отлетает постепенно жизнь. Остается великолепие старины, угрюмой и холодной.

Неужели суждена Петербургу участь Венеции, в нищете и разрушении сохраняющей золото и пурпур былого величия? И неужели, как в Венеции, равнодушные гиды будут водить туристов от памятника к памятнику, показывая на них историю города? В четырех конных статуях, в четырех всадниках воплотилась эта история, и тексты из Апокалипсиса могли бы служить пояснительным к памятникам рассказом.

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и был дан ему венец; и вышел он победоносный, и чтобы победить¹.

Это — Петр Великий, чудесный строитель Петербурга, живой и вечный укор ему. В Москве не было тогда газет. Петр основал первую газету в России². Но если бы выходили тогда газеты, Петра называли бы в них большевиком.

В его реформе, родившей новую Россию, был бунт против старой Руси. Большинство было против него. Большинство цеплялось за старый быт. Петр насильственно, указами-декретами вводил в России буржуазный строй, вколачивал торговлю, вселял промышленность. Он управлял террором, четвертовал и вешал. Он искоренил начатки парламентаризма в России, надругался над традиционными верованиями. Слова «анархист» не знали тогда, но его очень хорошо заменили словом «антихрист». И этому «антихристу» Россия любовно поставила гениальный памятник, как национальному своему герою. Этот большевик на троне был русский, превыше всего на свете любивший Россию, готовый принести себя в жертву родине. Этот большевик заставил Россию трудиться. Он был плотником государственности и лихорадочно сколачивал Россию, не щадя ни леса, ни людей. Он не льстил народу, не потакал ему, не заигрывал с ним, не возводил в добродетель темноту народную, лень и распущенность. Слово «передышка» было ему незнакомо. Он никогда не отдыхал и был в непрерывной борьбе и в непрерывном труде.

Каким гневом исказилось бы лицо его, если бы увидел он опустевшие заводы, праздных людей и этих новейших подъячих, всегда пишущих законы, которых никто не исполняет, даже сами пишущие. Холопы, которых сдерживала дубинка, разбрелись без господина, и он снова одинок, медный всадник с венцом на голове, вздернувший Россию на дыбы...

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч...³

Кокетливо гарцует конь под всадником, как будто на параде они. И сидит на коне Великий Жандарм. В тот день, когда откроется германское посольство, победители пройдут церемониальным маршем перед памятником и будут ему салютовать. И он ответит им дружеским кивком. Он был великим вождем интернационала монархов, и когда во всей Европе зашатались троны, он пришел и укрепил их. На это был «дан ему большой меч». В нем нет ничего русского и национального. Он не любил России, презирал ее литературу, угнетал народ. Он раздавил русскую интеллигенцию, едва она начала зарождаться.

Он был рыцарем утопической интернациональной реакции, и Вена была его Циммервальдом. Он мог принести Россию в жер-

тву европейскому порядку. Прямолинейный, упрямый, бездушный, он перестраивал Россию по одному общему плану грандиозной аракатеевской казармы. Он не выносил критики. Частная инициатива, свободная личная воля были ему противны. Его идеалом была жандармская национализация всей России, и с самодовольным упорством он стриг под гребенку всю страну, хотел превратить в солдат всех крестьян. С устремленным вперед неподвижным, холодным взглядом маниака он убивал печать, литературу, общественную жизнь, свободную промышленность и торговлю. И он верил, твердо верил, что Россия призвана сказать всему миру новое жандармское слово, ибо в России воплощен высший идеал абсолютизма. Полицейский интернационализм переплетался в нем с полицейским славянофильством... Кто знает, не будь он царем, не стал ли бы он апостолом реакционного коммунизма. Неофициальная история дала ему имя Николая Палкина. Ограниченность, прямолинейность, жестокость и бездарность палки были в его личности, в его политике, в его системе и в его фигуре. От него пошло многочисленное поколение Палкиных в политике, в литературе, в революции и социализме.

И вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос, посреди четырех животных говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай⁴.

Вот он царь — великий мешочник земли русской, человек с маленькой головой и большой бородкой, на коне-борове с огромным задом. Сто пудов жира и дряблые кости. Туша, грозная на вид, но больная и бессильная. Лениво понурил голову боров-конь, и повисла рука с нагайкой. Всадник может драться нагайкой, но не под силу ему труд и война. Да неужели распух это, раздулся и отяжелел пламенный конь Петра? Европа с боязнью и уважением смотрела на эту громадину и видела в ней богатыря старорусского, стоящего на заставе государства. Но глубокий порок сердечный, жировое перерождение таил в себе могучий организм, и грузный конь ступил вперед тяжело и медленно и остановился. И всадник, распутившийся в седле, поднял руку с нагайкой и опустил ее. Не богатырь-воин, а крестьянин-пахарь в воинском мундире сидел на свинообразном коне. Ни до Европы, ни до Рос-

сии не было ему дела. Нагайка — для государственного порядка и хиникс пшеницы за динарий — как социальный идеал. Противен всаднику-мешочнику шумный Петербург, и задом повернувшись к Неве и к Петру, смотрит он на восток, на Москву. Мир и покой во всех движениях. Вот он, тысячепудовый национальный герой российской «передышки»! Пусть мчатся вперед европейские стремительные кони. За ними, вздернув на дыбы коня, ринулся и Медный Всадник. На Знаменской площади — тысячепудовая, из бронзы вылитая, на пьедестал поставленная «передышка», гениальный памятник российской деревенщины, исторической ее косности, застоя, темноты и невежества.

...И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными⁵.

Этому всаднику еще не поставлен памятник, но он будет поставлен, и незримо уже стоит он на Марсовом поле. Мчится вперед, закусив удила, бледный конь, мчится без цели и без дороги. И всадник на нем — без головы...

1918

